

DOI: 10.17805/trudy.2025.1.2

СОЦИОЛОГИЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ПОЛОВЦЕВ В ПЕРИОД ЗАВОЕВАНИЯ ЮЖНОРУССКИХ СТЕПЕЙ

А. А. Инков

Московский гуманитарный университет

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы развития половецких племен в период освоения ими южнорусских степей во второй половине XI в. Уделяется внимание исследованию особенностей социальной и политической организации кочевников, в т. ч. формированию союзов орд и характера власти глав родов и племен. Прослеживается история первых половецких объединений, объясняются причины их относительно недолгого существования и распада.

Ключевые слова: половцы; кипчаки; южнорусские степи; орда; род; союз племен; вождество

THE SOCIAL AND POLITICAL SYSTEM OF THE CUMANS DURING THE CONQUEST OF THE SOUTHERN RUSSIAN STEPPES

A. A. Inkov

Moscow University for the Humanities

Abstract: The article examines the problems of the development of the Polovtsian tribes during their development of the Southern Russian steppes in the second half of the XI century. Attention is paid to the study of the peculiarities of the social and political organization of nomads, including the formation of alliances of hordes and the nature of the power of the heads of clans and tribes. The history of the first Kipchak associations is traced, the reasons for their relatively short existence and disintegration are explained.

Keywords: Cumans; Kipchaks; South Russian steppes; horde; clan; union of tribes; chieftdom

В первой половине XI в. в степях Восточной Европы происходят важные перемены. Наиболее заметной чертой этого времени становится ослабление племенного союза печенегов, господствовавшего прежде на пространстве между Доном и Дунаем. В 1036 г. в ходе очередной войны с Русью печенеги были разбиты великим киевским князем Ярославом Мудрым и больше не могли сдерживать натиск на свои владения других кочевых племен. В середине XI в. с востока в южнорусские степи одна за другой вторгаются две волны новых завоевателей — торков и половцев. Торки вытеснили печенегов из среднего Поднепровья на запад к границам Византии, но из-за своей малочисленности вскоре сами вынуждены были уступить власть над захваченными землями пришедшим вслед за ними половцам. Начиная с этого времени восточноевропейские степи от Нижнего Дуная до Иртыша становятся землей кипчаков, по-арабски «Дешт-и-Кипчак» (Князь-кий, 2010: 83).

Несмотря на то, что половцы впервые упоминаются в древнерусских источниках уже в 1055 г. (ПВЛ, 1950: 109), ранний период их истории, по-прежне-

му, достаточно плохо изучен. Предки половцев — кипчаки, как и многие другие кочевые племена Евразии, происходили от древних тюрков, некогда занимавших обширные степи от Монголии на востоке до Восточной Европы на западе. После распада Тюркского государства кипчаки последовательно входили в состав Западнотюркского и Уйгурского каганатов, а после того, как оба эти государственных объединения прекратили свое существование, в IX в. были подчинены племенами кимаков и вошли в образованный ими Кимакский каганат, включавший огромную территорию от р. Иртыша на востоке до Каспия на западе. Кипчаки кочевали по западной окраине Кимакского каганата. Их владения располагались в степном пространстве между реками Сыр-Дарьей и Иртышом. В Кимакском каганате они были наименее оседлой частью населения. В то время как в процессе своего развития кимаки постепенно переходили от круглогодичного кочевания к полuosедлости, кипчаки продолжали вести кочевой образ жизни, передвигаясь со своими бесчисленными стадами от одного пастбища к другому. На востоке соседями кипчаков были кимаки, а западе — гузы («торки» русских летописей), с которыми кипчаки попеременно то враждовали, то вступали в периоды относительно непрочного мира. В начале XI в. с распадом и гибелью Кимакского каганата под ударами предков современных киргизов, кипчаки, обретшие к тому времени независимость, приняли решение из-за «тесноты» пастбищ отселиться со своих исконных земель на запад. Однако главной причиной движения кипчаков в восточноевропейские степи стало прежде всего вторжение из Прииртышья на земли соседних с ними кимаков племен «каи», чье имя в переводе с монгольского дословно означает «змеи». По сообщению придворного врача сельджукских шахов ал-Марвази (начало XII в.), кимаков (автор называет их кунами — *А.И.*) преследовал «народ, который называется кай. Они многочисленнее и сильнее их. Они прогнали их с тех новых пастбищ. Тогда куны переселились на земли сары, а сары ушли в земли Туркмен. Туркмены переселились на восточные земли гузов, а гузы ушли в страну печенегов поблизости от берегов армянского моря» (т. е. Черного — *А. И.*). По данным хроники армянского историка Матвея Эдесского: «в 1050 г. какой-то народ «змей» разбил «светловолосых», а те разбили узов и печенегов, после чего все вместе выступили против страны «ромеев» (Кумеков, 1972: 63, 125–126; Ахинжанов, 1989: 47–48; Князький, 2003: 86–87; Плетнева, 2010: 41).

По мнению большинства современных историков, упоминаемые в названных известиях «змей» являются племенами «каи», «сары» или «шары», «светловолосые» же — это кипчаки. Слово «сары» переводится с древнетюркского как «желтый», «светлый». Впоследствии отображение желтого цвета как отличительного признака в самоназвании народа перешло от кипчаков к половцам, поскольку русское слово «половцы» — («половые») означает светло-желтые (полова — солома, мякина, отвеянная лузга) (Плетнева, 2010: 41).

Существует обоснованное предположение, что половцы южнорусских степей представляли собой западную ветвь упомянутых кипчаков. От последних

они отличались прежде всего пестротой своего этнического состава. Находясь за Волгой, в начале XI в. западные кипчаки смешались с остатками жившего там огузского населения, а после переселения в южнорусские степи в формировании их этнической группы приняли участие покоренные ими торки и печенеги. Путем слияния кипчаков с последними и образовался собственно половецкий этнос. Его формирование происходило по традиционным для всех кочевников законам. Как отмечает С. А. Плетнева, одной из существенных закономерностей этого процесса являлось то, что «этнос, давший имя новому этническому образованию, вовсе не обязательно бывал в нем самым многочисленным: он просто благодаря удачно сложившейся исторической обстановке и энергичному военачальнику выдвигался на ведущее место в формирующемся объединении» (Плетнева, 2010: 47). Таким ядром, вокруг которого объединились разбросанные по степи и уцелевшие в кровавых перипетиях середины XI в. разрозненные орды печенегов, гузов, а также остатки болгарского и аланского населения, стали кипчаки или точнее шара-кипчаки (Плетнева, 2010: 47).

Сложившееся на их основе новое этническое объединение получило в древнерусских источниках название половцы. Происхождение этнонима «половцы» неясно, и уже длительное время является в литературе темой многочисленных дискуссий. Польский историк начала XVI в. Матвей Меховский считал, что половцы, в переводе на русский язык означают «охотники» или «грабители», так как они, «часто делая набеги, грабили русских» (Меховский, 1936: 47–48).

По мнению русского российского ученого Грум-Гржимайло, термин «половцы» является производным от древнерусского слова «половый» — солома, бледный, белесовато-соломенного цвета. Возможно, что так русские стали называть появившихся у их границ кочевников по характерному для них антропологическому признаку — соломенному, желтому цвету волос (Грум-Гржимайло, 1926: 57. прим.3; Расовский, 1935; Гумилев, 1993: 218). Однако, следует заметить, что пока что никто не видел тюрок со светлыми волосами и нет источников, которые бы это утверждали.

В литературе имеется и другое толкование названия «половцы». По мнению Е. Ч. Скржинской, в основе данного этнонима лежат старославянские слова «об он пол» — жители той, другой чужой стороны. Автор ссылаясь на то, что в представлении русских половцы были жителями днепровского Левобережья, то есть живущими на другом, противоположном русскому правому, левому берегу Днепра. В этом отношении они отличались от «своих поганых», черных клобуков, обитавших на этой («сей», своей (правобережной) стороне Днепра (Скржинская, 1986: 276). Представляется, однако, что такое толкование происхождения половцев не может быть принято, так как русские княжества располагались по обе стороны Днепра. Непонятно, жителями какой другой стороны реки мог, например, в этом случае назвать половцев переяславский князь Всеволод Ярославич, если его владения находились на одном с половцами левом берегу Днепра. Более предпочтительной, хотя и не бесспорной выглядит точка зрения,

предложенная А. Пономаревым, что этноним «половцы» является, скорее всего, калькированием русскими самоназвания кипчаков, близким по значению к древнетюркскому «желтая степь», «житель степи», «кочевник» (Пономарев, 1940: 369).

В византийских хрониках половцы упоминаются под именем «куманов» или «камонов», а болгары называли этих кочевников куны-куманами. Различные наименования одного и того же этнического объединения, очевидно, объясняются тем, что в южнорусских степях после прихода половцев происходило формирование не одного, а сразу двух близкородственных этносов: кунов-куманов, возглавлявшихся одной или несколькими кипчацкими ордами, и собственно половцев, объединившихся вокруг орд шары-кипчаков (Плетнева, 2010: 47). Современники, очевидно, знали о разделении половцев на две группировки. На карте арабского путешественника ал-Идриси, посетившего в середине XII в. южнорусские степи, половецкие владения разделены на Белую Куманию и Черную Куманию. Академик Б. А. Рыбаков отождествил Белую Куманию с половцами правобережья Днепра, а Черную — с левобережными половцами (Рыбаков, 1952: 43). Однако, как правило, ни русские, ни византийские, ни восточные авторы не делали между обеими группировками различий. Все тот же ал-Идриси одинаково называл всех половцев независимо от их принадлежности к Белой и Черной Кумании куманами. Куманами называли половцев вне зависимости от того, где они жили, византийцы. Такого же подхода придерживались и русские летописцы, считавшие обе группировки половцами. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что различия между западными и восточными половецкими ордами, очевидно, были настолько незначительны, что соседи их почти не замечали.

Завоевав южнорусские степи, половцы довольно быстро оказались втянуты в сложный клубок межгосударственных отношений в Восточной Европе. На западе их соседями некоторое время оставались печенеги, отступившие после разгрома их половцами из южнорусских степей в степи Подунавья. Во второй половине XI в. печенеги создали здесь новый крупный военно-политический союз, который в течение нескольких десятилетий держал в страхе соседнюю Византийскую империю (Князький, 2003: 37–45). После разгрома печенежских орд в битве при Левунионе (Либурне) в 1091 г. объединенными силами половцев и византийцев, приведшего к распаду их подунайского союза, место печенегов в качестве западных соседей половцев заняла Венгрия, отношения с которой у них оставались большей частью враждебными вплоть до монголо-татарского нашествия. На юге половцы вступали в разнообразные отношения с Византийской империей — дряхлеющим осколком бывшей Римской империи, для которой они попеременно становились (в зависимости от того, заключали обе стороны между собой военный союз или находились во враждебных отношениях), то «спасителями отчаяния», то «бичом божьим».

На севере соседом половцев была Русь, вступившая в начале XII в. в период удельной раздробленности. Ее земли на юге непосредственно граничили с поло-

вещками кочевьями. Поэтому отношения с половцами вплоть до начала XIII в. являлись главным внешнеполитическим фактором развития южнорусских земель.

Ко времени прихода в южнорусские степи общественный строй половцев был представлен военной демократией. Это была последняя стадия разложения первобытно-родовых отношений, переходная на пути к образованию государства. Однако до становления раннегосударственных отношений у половцев фактически еще не сложилось никаких условий.

По данным археологических и письменных источников, в период завоевания южнорусских степей половецкое общество делилось на несколько основных групп населения. Основную массу степных жителей составляли свободные рядовые общинники, которые, однако, давно утратили возможность влиять на жизнь племени. Относящиеся к ним погребения представляют собой захоронения легковооруженных лучников, нередко весь погребальный инвентарь которых ограничивается набором двух-трех стрел или небольшим ножом. Вся власть в ордах находилась в руках родоплеменной знати — прослойки богатых и зажиточных соплеменников во главе с военными и племенными вождями. Последние постепенно все меньше удовлетворялись эксплуатацией собственного хозяйства и все больше стремились к захвату прибавочного продукта вне степи, увлекая орды в завоевательные и грабительские походы и набеги на соседей. Захватываемая в ходе этих набегов добыча рассматривалась половецкой знатью прежде всего как сокровища, предназначенные для раздачи внутри орды своим сторонникам и приближенным с целью укрепления своей власти и авторитета. Сохранившиеся погребальные памятники знати резко контрастируют с погребениями рядовых жителей степи. Как правило, это захоронения тяжеловооруженных воинов с помещенной в могилу тушей или чучелом боевого коня, снабженные богатым погребальным инвентарем, среди которого нередко находки золотых изделий (Федоров-Давыдов, 1966: 218–219).

В источниках конца XI — начала XII в. у половцев фиксируется появление прослойки неполноправного населения — «челяди» и «колодников» (ПВЛ, 1950: 185; По аналогии с челядью в русских землях, к первым из них, вероятно, относились разорившиеся, но сохранившие личную свободу, рядовые общинники, вынужденные по разным причинам идти в услужение к более богатым соплеменникам. Колодниками же были военнопленные или иные домашние рабы (Плетнева, 2010: 143). Внутри каждой из названных групп населения в результате процесса имущественного и социального расслоения постепенно образовывались более мелкие слои и прослойки, однако, вплоть до начала XII в., эти процессы были выражены относительно слабо, что говорит о достаточно большой однородности половецкого общества в это время.

В целом, разложение родовых отношений в половецком обществе происходило достаточно медленно. Объективно этому способствовало не только сохранение в нем родовых начал, но и сама обстановка постоянных войн, которые вели половцы, поскольку захватываемая в ходе этих войн добыча не только способ-

ствовала укреплению влияния знати, но и объективно вела к ослаблению имущественной и социальной дифференциации в ордах, т.к. отправившийся в поход бедняк, в случае его успешного исхода, легко мог поправить свое положение за счет отобранного у врагов скота и имущества.

Характеризуя развитие половцев в начальный период их истории исследователи отмечают, что их общественные отношения, как у других кочевников, были покрыты так называемой «патриархальной вуалью» — оболочкой общинно-родовых и племенных связей, а все ступени политического и социального подчинения строились по ступеням общинно-родовых делений (семья — род — племя — союз племен, во главе с ханом) (Федоров-Давыдов, 1973: 42). При этом всюду, где господствовало таборное кочевание, родоплеменная вуаль, наброшенная на общественные отношения кочевников на всех стадиях их общественного развития, была значительно более густой и устойчивой.

Относительно медленное разложение родоплеменных отношений в немалой степени предопределялось сохранением у половцев сильных пережитков родового строя. Основной социальной ячейкой половецкого общества был род (древнетюркск. — курень), состоявший из нескольких экономически равных кровнородственных семей, по существу, близких большесемейным общинам земледельческих народов (Плетнева, 2010: 53). Половчанин, как всякий кочевник, не мыслил свою жизнь без рода. Включавший в себя несколько десятков близких и дальних родственников, род был главным защитником каждого входившего в него члена перед морем окружающих его со всех сторон проблем, своего рода спокойной гаванью, в которой тот мог перевести дух, собраться с силами, получить помощь со стороны сородичей. Наряду с этим курень был экономической единицей, так как даже кочевание половцы вели куренями.

Отдельные курени объединялись в более крупное объединение — орду. В каждую орду входили десятки и сотни, а иногда и до тысячи куреней. При этом орда могла состоять не только из собственно половцев, но и признавших их власть прежних насельников южнорусских степей — печенегов и торков, которые во множестве продолжали кочевать на своих прежних землях вплоть до начала XII в. Особенно много печенегов, должно быть, входило в объединения правобережных половцев. Неслучайно, столкнувшись с половцами и печенегами в битве при Лебунионе, византийцы считали, что те и другие представляют собой один народ (Комнина, 1965: 236). По оценкам историков, размеры орд обычно колебались от 20 до 40 тысяч человек, причем преобладали 40-тысячные орды. Всего же в восточноевропейских степях в первой половине XII в. кочевало не менее 12–15 половецких орд (Плетнева, 2010: 126), но в рассматриваемое нами время их вероятно, было больше, поскольку многие из них были истреблены в войнах с Русью.

Возглавлял орду хан, которого русские летописцы по привычке именовали «князем». Как правило, хан одновременно являлся главой одного из входивших в орду куреней. У половцев так и не сложилось института наследственной власти.

После смерти хана властные полномочия обычно переходили не к его сыновьям, а к двоюродным братьям или детям двоюродных братьев. Отдельные половецкие князья стремились закрепить наследование власти внутри собственной семьи, но даже прославленные предводители степняков обычно не были столь сильны, чтобы передать власть своим сыновьям.

В условиях царившей у половцев военной демократии, роль племенных и родовых вождей сводилась преимущественно к военным функциям. Как глава орды хан осуществлял общее командование родовым ополчением во время набегов на соседей, отвечал за безопасность орды в мирное время, вел переговоры о заключении мира с другой договаривающейся стороной, выступал гарантом соблюдения договора в последующем. Согласно некоторым летописным известиям, ханы также являлись верховными жрецами, в частности, занимались гаданием перед сражением с целью узнать его предстоящий исход (ПВЛ, 1950: 179, 381).

Во второй половине XI в., среди половецких орд постепенно наметилась тенденция к объединению в более крупные политические образования — «союзы орд», известные в современной литературе как «вожdestва». Первые такие крупные объединения, по-видимому, у половцев возникли еще в период освоения южнорусских степей, когда отдельные орды объединялись между собой для захвата пастбищ и борьбы с остатками бродившего по степи печенежско-огузского населения. Затем, по мере вступления в контакты с развитыми феодальными государствами Восточной Европы, объединенный военный потенциал орд использовался половецкой знатю для организации победоносных набегов на соседние страны с целью грабежа и захвата пленных.

Тем не менее, современные исследования показывают, что возможности к объединению ведущих круглогодичное кочевание кочевников были существенно ограничены. Объяснялось это, прежде всего, особенностями половецкой экономики. Сосредоточение в одном месте огромного количества людей с их многочисленными стадами, неизбежное в условиях объединения нескольких орд, автоматически приводило к возрастанию количества вытаптываемых земель и, как следствие, к потере пастбищных ресурсов и массовой гибели скота (Крадин, 1992: 48). Поэтому, чтобы избежать потерь, орды объединялись между собой только тогда, когда им угрожал сильный враг (Гумилев, 1994: 105) или для организации набега на соседей. Как только же конфликты заканчивались и наступало затишье, подобные объединения сразу распадались на отдельные орды и курени. Поэтому такие союзы были, как правило, во-первых, крайне рыхлыми и неустойчивыми, а во-вторых, представляли собой чисто политические объединения, так как в них не было ни регулярных армий (только ополчения), ни административного аппарата, ни податной системы (Плетнева, 1981: 55). Сила и сплоченность этих племенных союзов зависели в первую очередь от фигуры возглавлявшего такое объединение хана. Чем активнее, сильнее и агрессивнее был возглавлявший орду князь, тем больше, крепче и сильнее было указанное объединение (Плетнева, 1975: 274).

Организация половецких «вожеств» в своих основных чертах копировала организацию обычной орды, с той лишь разницей, что место куреней в таком объединении занимали входившие в него отдельные орды. Опираясь на людские и военные ресурсы своих орд, родовая аристократия обладала огромной властью и образовывала при великом хане такой же совет, как и куренная знать при главе орды. В сущности, верховный хан был таким же главой орды, как и другие ханы, и отличался от прочих лишь большим авторитетом и влиянием. Чем больший он имел авторитет и влияние, тем охотнее и дольше его власть признавалась со стороны других ханов. Тем не менее, очевидно, что предпринять какие-либо действия, затрагивающие интересы всего объединения, без согласования с прочими лидерами, великий хан не мог (ПВЛ, 1950: 184).

Среди половецких ханов второй половины XI в. наиболее известными считаются Тугоркан и Боняк. Оба хана не только «прославились» организацией нескольких крупномасштабных набегов на Русь, но и оставили заметный след в истории Византийской империи, для которой они сыграли роль «спасителей отчаяния», оказав помощь в разгроме угрожавших ей печенегов. О Тугоркане и Боняке много пишет византийская писательница Анна Комнина (Комнина, 1965: 233–238, 266–274). В древнерусских летописях Тугоркан упоминается дважды, а Боняк целых семь раз (!), что является абсолютным рекордом среди половецких ханов. К сожалению, источники не содержат прямых данных о том, где кочевала орда этих ханов. По мнению большинства историков, Тугоркан и Боняк возглавляли крупный союз половцев, располагавшийся в западной части южнорусских степей в среднем и нижнем Поднепровье, на землях, занятых куны-куманами.

Обращает на себя внимание необычность имени Тугоркана. По-тюркски оно звучит как «Togur хан», возможно также произношение его как «Tugar tegin» или «Tegri tegin». Баскаков Н. А. выделяет в имени Тугоркана два элемента. Первый из них, «Тогри» или «Тугар» — несомненно, является личным именем половецкого хана, означающим в переводе «единственный». По другой версии имя Тугар могло быть образовано от названия птицы «toγurtaq toγurtay — «дятел». Второй элемент «хан» — уменьшительно ласкательное слово, присоединяющееся к союзному имени, не имеет какого-либо смыслового значения (Баскаков, 1985: 75, 149). Однако, следует отметить, что окончание «хан» нетипично для половецких имен. Среди известных предводителей половцев за почти два века их господства в южнорусских степях оно встречается помимо самого Тугоркана только однажды — в имени хана Шарукана. Примечательно, что эти оба хана жили в одно и то же время — во второй половине XI в., оба были главами крупнейших кочевых объединений. Тугоркан правил половцами в западной части южнорусских степей в Приднепровье, а Шарукан возглавлял союз половцев на востоке степи в Придонье и Прикубанье.

Не исключено, что имя Тугоркана на тюркском языке звучало как «Tugar qaγan», в котором элемент «qaγan», который русские источники, а вслед за ними и некоторые современные исследователи читают как «хан» и определяют как

часть имени половецкого вождя, в действительности является титулом, который тот получил при своем рождении или что более вероятно, после избрания в качестве главы половецкой орды. «Qaγan» означает «каган» — «верховный правитель (хан)». В другом же варианте написания имени Тугоркана — «Tegri tegin» — «тигин» в переводе означает «наследник», «родной брат или сын хана», «принц крови», «правитель». Титулы «каган» и «тигин» считались у степняков высшими в иерархии. При этом «каган» по рангу стоял выше титула короля в странах западной и южной Европы и равнялся титулу «царя», «императора» (Каратаев, 2022: 79–92).

Возможно, что Тугоркан не только был главой самой сильной половецкой орды, но и номинально считался правителем всех кунов-куманов. Военный потенциал созданного им в конце XI в. военно-политического союза был огромным. В 1091 г. во время похода на Балканы Тугоркан вместе с другими ханами привел на помощь византийскому императору Алексею Комнину войско, насчитывавшее 40 тысяч воинов (Комнина, 1965: 233). Если принять мнение С. А. Плетневой о том, что одна половецкая орда в среднем могла выставить в поле примерно 5–6 тысяч бойцов (Плетнева, 2010: 107), получится, что всего в объединение Тугоркана входило не менее 6–8 орд кунов-куманов, что соответствовало общему числу всех проживавших половецких группировок в западной части южнорусских степей. О силе и могуществе Тугоркана было хорошо известно и на Руси. Не случайно именно к нему с предложением сватовства в 1095 г. обратился великий киевский князь Святополк Изяславич (ПВЛ, 1950: 148). Брак Святополка с дочерью Тугоркана стал первым в череде многочисленных брачных союзов русской и половецкой знати и единственным в истории русско-половецких отношений, который был заключен правителем Руси столь высокого ранга.

Активная внешняя политика, проводимая Тугорканом и другими половецкими ханами, вылившаяся в череду непрерывных походов на Русь и Балканы, в конечном итоге подорвали силы западнополовецкого союза. В 1096 г. после гибели Тугоркана в сражении с русскими войсками (ПВЛ, 1950: 151) он распался. На его месте образовалось несколько более мелких объединений. Часть половцев, кочевавших в правобережье Днепра, возглавил старый сподвижник Тугоркана хан Боняк. Однако к началу XII в. его орда также была разгромлена Русью.

Другим объединением, отколовшимся от распавшегося союза Тугоркана, по-видимому, стала орда лукоморских половцев во главе с ханом Бельдюзом. Зимние кочевья этой орды располагались в низовьях Днепра по излучинам (отсюда ее название) Черного и Азовского морей. В военном отношении лукоморские половцы были достаточно слабыми. В 1103 г. в первом же столкновении с русскими войсками, вторгшимися в половецкие степи, объединение Бельдюза потерпело поражение, а сам он был казнен победителями (ПВЛ, 1950: 184–185). Возродилась лукоморская орда только во второй половине XII в.

Объединительные процессы во второй половине XI в. происходили и в восточных областях Половецкой степи. При этом предпосылки к возникновению

крупного союза у шары-кипчаков, вероятно, сложились даже раньше, чем у кун-куманов, еще в 1060-е гг. Подтверждением этого является знаменитое вторжение половцев 1068 г. (т.н. «Шаруканово нашествие»), которое стало одним из наиболее крупных набегов кочевников на Русь за весь период их истории. Основным районом кочевания восточных половцев были бассейн рек Дона, Северского Донца, Прикубанье, а с конца XI в. также и предкавказские степи. Общепризнанным лидером шары-кипчаков являлся хан Шарукан (тюрк. *Sora han*, *Sora qaγan*, пер. «желтый хан»), один из главных участников похода 1068 г. Центр возглавляемой им орды, по-видимому, располагался на р. Северский Донец, где в 1111 г. во время похода в Половецкую степь русскими войсками был сожжен носивший одноименное с этим ханом название половецкий «городок» (ПВЛ, 1950: 191). Окончание имени Шарукана на «хан» показывает, что глава шара-кипчаков при жизни носил столь же высокий титул, что и Тугоркан, т.е. был каганом. Судя по всему, во второй половине XI в. это была общепринятая практика среди половцев. Тугоркан как каган правил западнополовецкими ордами, а Шарукан признавался верховным правителем в звании кагана над восточнополовецкими племенами.

О внутренней и внешней политике Шарукана почти ничего неизвестно. Очевидно, донские половцы предпочитали богатеть за счет эксплуатации собственных пастбищ и освоения территорий на окраинах своих владений. С русскими землями между 1068 и 1107 гг. они почти не сталкивались, хотя и не отказывались от участия в княжеских усобицах, обеспечивавших их добычей и возможностью брать богатые откупы от врагов. Тем не менее, существование крупного объединения кочевников в непосредственной близости от юго-восточных рубежей Руси не могло не вызывать обеспокоенности русских князей, организовавших в начале XII в. в район Северского Донца несколько походов. Несмотря на то, что шары-кипчаки во время столкновения с Русью не потерпели столь же сокрушительного поражения, как их западные сородичи, вести борьбу на равных против заведомо более сильного противника они не могли. К этому времени Шарукан был уже весьма пожилым человеком (ПВЛ, намекая на почтенный возраст главы донских половцев, называет его Старым (ПВЛ, 1950: 186)) и вскоре умер. С его смертью в степях больше не осталось авторитетных вождей, и, хотя сыновья Шарукана смогли сохранить власть над отдельными ордами, занять место отца никому из них не удалось. Неизбежным следствием этого стал распад союза шары-кипчаков. Часть донских половцев, спасаясь от уничтожения со стороны русских князей, откочевала с берегов Северского Донца и Дона на юг в Предкавказье, где поступила на службу к грузинскому царю Давиду IV Строителю. Другие орды остались кочевать на Дону и его притоках, но вынуждены были отказаться от объединения в крупные группировки. После смерти Тугоркана и Шарукана у половцев больше не было каганов, и в XII в. этот титул окончательно вышел из употребления.

Таким образом, в период завоевания южнорусских степей половецкое общество находилось на весьма высокой ступени своего развития, которая характеризовалась стадией военной демократии. Вместе с тем, половцам было еще далеко до создания своей государственности, т. к. для этого не сложилось никаких объективных условий: сохранялись сильные пережитки родового строя, отсутствовал аппарат принуждения для подчинения одних социальных групп другим, не было ни регулярных армий, ни административного аппарата, политические организации были рыхлыми и очень непрочными).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахинжанов С. М. (1989) Кипчаки в истории средневекового Казахстана. — Алма-Ата: Наука КазССР.— 291 с.
- Баскаков Н. А. (1985) Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». — М.: Наука.— 207 с.
- Грум-Гржимайло Г. Е. (1926) Западная Монголия и Урянхайский край. — Л.: Изд-во гос. Русского географ. общ-ва — Т. II.— 900 с.
- Гумилев Л. Н. (1993). Тысячелетие вокруг Каспия. — М.: Прогресс.— 335 с.
- Каратаев О. (2022) Государственно-административный титул «тегин» (tegin) у енисейских кыргызов // Известия национальной академии наук Кыргызской республики. — Бишкек.— № 2. — С. 79–94.
- Князький О. И. (2003) Византия и кочевники южнорусских степей. — СПб.: Алетейя.— 183 с.
- Комнина Анна (1965) Алексиада / Пер. Я. Н. Любарского. — М.: Наука.— 688 с.
- Крадин Н. Н. (1992) Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). — Владивосток: Дальнаука.— 240 с.
- Кумеков Б. Е. (1972) Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. — Алма-Ата: Наука.— 156 с.
- Меховский М. (1936) Трактат о двух Сарматиях / Введ., пер. и коммент. С. А. Аннинского. М.; Л: АН СССР.— 291 с.
- Плетнева С. А. (1975) Половецкая земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. — М.: Наука. — С. 260–301.
- Плетнева С. А. (1981) Закономерности развития кочевнических обществ в эпоху средневековья // Вопросы истории.— № 6. — С 50–63.
- Плетнева С. А. (2010) Половцы. — М.: Ломоносовъ.— 216 с.
- Повесть временных лет (1950) / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. — М.: АН СССР. — Т. I.— 405 с.
- Пономарев А. (1940). Куман-половцы // Вестник древней истории.— № 3–4. — С. 366–370.
- Рыбаков Б. А. (1952) Русские земли по карте Идриси 1154 г. // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. — М. — Т. XLIII. — С. 3–44.
- Скржинская Е. Ч. (1986) Половцы: Опыт исторического толкования термина // Византийский временник. — М. — Т. 46. — С. 255–276.

Федоров-Давыдов Г.А. (1966) Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. — М.: МГУ.— 275 с.

Федоров-Давыдов Г.А. (1973) Общественный строй Золотой Орды. — М.: МГУ.— 180 с.

Инков Александр Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и регионоведения Московского гуманитарного университета. Адрес 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374–70–80. Эл. адрес: region@mosgu.ru

Inkov Aleksandr Aleksandrovich, Candidate of History, Associate professor, Department of History, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5 Yunosti, St., 111395 Moscow, Russia. Tel.: +7 (499) 374–55–81. Email: region@mosgu.ru.

Для цитирования:

Инков А.А. Общественный и политический строй половцев в период завоевания южно-русских степей. № 1. С. 11–22. DOI: <https://www.doi.org/10.17805/trudy.2025.1.2>